

ки, отстаивать свое право на автономное существование. С точки зрения нашей темы этот факт имеет фундаментальное значение, так как на пути свободного научно-философского поиска стоял грозный заслон. «Мы живем в такие времена, когда опасно пытаться выдумывать», — говорит Георгий Схоларий (*Gen. Schol.* II. P. 33. 1. 20—21).

Наконец, не способствует выявлению нового в поздневизантийской философии и пресловутый византийский консерватизм, принципиальная ориентация византийцев на традицию, на освященные ею и идущие из глубины веков установки, убеждение в том, что наиболее древняя идеология и есть самая достоверная и что все, что можно было сказать, уже сказано древними. Поэтому при оценке реальных достижений византийской науки и культуры последних веков существования империи нельзя, очевидно, исходить из современного понятия новаторства и оригинальности. Культура того времени остается по преимуществу энциклопедической и риторической, истинным катализатором творческого вдохновения считалась «мимесис», или имитация, сочинений античных авторов, осознанное стремление подражать им, создать нечто, им адекватное⁵. Заимствование понималось как творчество, а новшество отнюдь не рассматривалось как заслуживающее похвалы. «Ведь нынешние мудрецы презирают того, кто говорит что-то новое, уподобляя это кваканию болотной лягушки», — говорит Никифор Григора⁶. Мало того, новое резко осуждалось. Показательна в этом отношении отмеченная Григорой в его «Антилогии» позиция не названного по имени ученика Варлаама Калабрийского, который резко нападал на византийских ученых за то, что они «столь явно занимают язык и ум нездоровой болтовней, что их позволительно сравнить в этом отношении только с сочинителями мифов; ведь из всего для них не было бы ничего более полезного, чем говорить и слушать что-либо более новое, а не преклоняться вечно только перед найденным ранее и устаревшим»⁷.

При подобных теоретических установках трудно ожидать, чтобы идея подлинного научного прогресса овладевала умами византийских мыслителей. И тем не менее жизнь брала свое, и новые веяния стали явственно ощущаться не только в общем интеллектуальном климате империи, но и в более специальных областях философского знания. Излишне напоминать, что по большей части эти новые явления в философии не лежат на поверхности, не выражены открыто, они имплицитны, подспудны, проявлялись лишь в ходе религиозно-философских споров, которые велись в Византии в XIV—XV вв. и выразились не столько в создании новой научной и философской проблематики, сколько в иной расстановке акцентов, в смене сравнительной значимости отдельных дисциплин. Все это тем не менее плодотворно отражалось на современ- {243} ной системе знания, которая по-прежнему оставалась энциклопедической.

Так, с точки зрения гносеологии и эпистемологии представляет немалый интерес затеянная Варлаамом Калабрийским сугубо схоластическая, на первый взгляд, дискуссия, в которой приняли участие все наиболее крупные богословы и философы XIV в. (Григорий Палама, Никифор Григора, Григорий Акиндин, Нил Кавасила, Димитрий Кидонис и др.), — дискуссия о правомочности использования для доказательства и познания Бога силлогистического метода. Суть дискуссии заключалась в том, что почти все названные византийские мыслители (за исключением Кидониса) выдвинули в полемике с латинскими схоластами, и прежде всего с «одержимым силлогизмами» Фомой Аквинским (так обозвал его Нил Кавасила), а также в полемике между собой (хотя в данном пункте отличие между ними сводилось к нюансам) положение о принципиальной неприменимости силлогизма в сфере божественного, особенно силлогизма аподиктического (для диалектического Варлаам Калабрийский как будто делал исключение)⁸. Поскольку же вплоть до Декарта силлогистика считалась наиболее эффективным методом научного исследования (чуть ли не синонимом науки), то речь, очевидно, шла о принципиальной невозможности делать теологические выводы, основываясь на данных науки, — ход мысли, заставляющий вспомнить о заключениях Дунса Скота. Как и он, византийцы

⁵ *Hunger H.* On the Imitation (Mimesis) of Antiquity in Byzantine Literature // *Idem.* Byzantinische Grundlagenforschung. L., 1973. Art. XV. S. 13—38.

⁶ *Leone P. A.* Nicephori Gregorae «Antilogia» et «Solutiones» Quaestionum // *Byz.* 1971. T. 40. P. 483. 1. 115—116.

⁷ *Ibid.* P. 481. 1. 44—45.

⁸ *Podskalsky G.* Op. cit. S. 124—130; *Beyer N.-V.* Ideengeschichtliche Vorbemerkungen zum Inhalt der ersten «Antirrhetika» des Gregoras // *Nikephoros Gregoras. Antirrhetika I / Einl., Textausg., Übers. und Anm.* von H.-V. Beyer. Wien, 1976. S. 17—115.